

Незнание культурных особенностей подобной лексики может также привести к комичным или неприятным ситуациям. Например, при заказе кофе с молоком в Никарагуа и Венесуэле используется слово *marrón* (букв. ‘коричневый’), которое в Аргентине имеет табуированное значение (груб. ‘зад’). Сочетание *café aguado* (‘кофе, разбавленный водой’, аналог «американо»), нейтральное для Испании, считается пейоративным в латиноамериканских странах и означает кофе плохого качества (‘безвкусный’, ‘водянистый’). В связи с этим данное понятие актуализируется в разных странах с помощью других лексем: (*café*) *liviano* (букв. ‘легкий’) – в Аргентине, Уругвае и Чили; *simple* (букв. ‘простой’) – в Чили; *largo* (‘долгий, длинный’) – в Уругвае, Аргентине и Мексике; *ligero* (букв. ‘легкий’) – в Мексике; *guayooyo*, *café aguarapado* или *guarapo* (букв. ‘стриженная вода’) – в Венесуэле. В данном контексте необходимо также иметь в виду, что на Кубе последняя лексема используется для обозначения сока или вина из сахарного тростника.

Таким образом, даже на примере одной лексико-семантической группы возможно выделение и изучение универсального и специфичного в алиментарном коде разных испаноязычных стран. Приведенные примеры составляют лишь малую часть лексики со значением кофе, частотно используемой в различных регистрах испанского языка и его национальных вариантов и выступающей источником трудностей в межкультурной коммуникации. Более детальное исследование культурообусловленной лексики питания, которая является неотъемлемой частью повседневного общения, может стать полезным компонентом обучения испанскому языку.

**Т. Г. Попова, Я. И. Сухарева** (РУТ (МИИТ), Москва, Россия)

## ГЕНДЕРНЫЕ ВАРИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ

Различия между мужской и женской речью лежат в разных областях языка: в фонетике, фонологии и в лексике. Именно различиям в мужском и женском словарном составе посвящено наибольшее количество лингвистических исследований.

По своему объему «женский» словарь относительно меньше, женщина пользуется как бы ядром словаря (устоявшимся слоем лексики), т. е. лексическими единицами с более высокой частотой встречаемости в речи, в то время как мужчина употребляет больше неологизмов, профессионализмов и архаичных форм слов. Женщины гораздо чаще, чем мужчины, выступают инициаторами диалогического взаимодействия. Именно им принадлежат первые реплики. Как правило, женщины начинают языковое взаимодействие с этикетных высказываний вводного характера, целью которых является не прямое объявление интенций говорящего, а налаживание эмоционального контакта с собеседником.

В подавляющем большинстве случаев первая реплика, произнесенная женщиной, содержит в себе вопрос. Вопросительная интонация на уровне рефлекс побуждает мужчину дать ответ и тем самым автоматически выводит его из состояния внутреннего диалога. Вступая в диалогическое взаимодей-

стве, женщина немедленно сигнализирует о необходимости обрести ориентиры в сложившейся ситуации. В процессе поиска точки опоры она целиком полагается на собеседника. Подобное начало обычно имеет благоприятный исход.

Причиной несовпадения семантических полей инициальности является принципиальное различие в изначальных глубинных и редко осознаваемых интенциях вступающих в контакт мужчин и женщин: «Для женщин речь служит средством, позволяющим завести друзей и поддерживать взаимоотношения. Для мужчины «разговаривать» означает «передавать факты». Язык может рассматриваться как одно из проявлений целенаправленного поведения. Высказывания являются продуктом действий (речевых актов), которые выполняются для того, чтобы оказать определенное воздействие на слушающего. Речевой акт, подобно любым другим действиям, может быть объектом наблюдения слушающего, и на основании его слушающий может сделать вывод о планах говорящего.

Адекватное взаимопонимание коммуникантов обеспечивается тем, что в акте речи реализуется имеющийся в языке ряд закономерных соотношений между интенциями (иллокуциями) и способами их выражения. Соответствие иллокуций и определенных типов синтаксических структур имеет конвенциональный характер и осознается всеми носителями языка и культуры, к которой принадлежит данный язык.

Женщины в силу развитости собственной речи не признают элементарных языковых решений и предпочитают искать скрытый подтекст сказанного, даже если он отсутствует. При каждом новом акте диалогического взаимодействия инициатор-женщина настойчиво преследует двойную цель: создать предпосылки для достижения конкретного практического результата и наладить механизм эмоционального обмена. Двусторонний характер направленности на общение затрудняет процесс постановки адекватно сформулированной задачи перед партнером. Инициальные женские реплики обычно представляют собой интегрированный речевой акт. Неточное определение цели предстоящего общения в сочетании с активной внешней позицией может иметь результатом неверное истолкование имеющихся ожиданий говорящего или уклонение партнера от вступления в диалогическое взаимодействие.

Кооперативное общение возможно только тогда, когда адресант и адресат пользуются одним и тем же кодом, когда между ними возникает общее знаковое контактное пространство. С первых реплик диалога женщины сигнализируют партнеру о готовности встать на его место и оценить ситуацию с его позиций (но это далеко не всегда означает отказ от своей точки зрения). Формальным признаком процесса идентификации себя с собеседником является местоимение *we*, которое женщины, гораздо чаще мужчин, включают в свои инициальные реплики.

Для мужчин само общение является не целью, а средством решения возникающих проблем. В самом начале диалога мужчины вводят приемлемую для них схему субординации. В лингвистическом плане позиция единственного субъекта деятельности в сложившейся ситуации определяется

через подлежащее, выраженное местоимением *I*. Подлежащее *I* чаще всего открывает инициальные реплики мужчин (по нашим наблюдениям, в женских инициальных репликах это местоимение фигурирует приблизительно в два раза реже). Такой выбор вполне соответствует господствующей точке зрения, согласно которой «мужчина не должен быть слабым и зависимым». Лингвистические наблюдения совпадают с гипотезой психологов о том, что концепт «его» женщины имеет менее жесткие и детерминированные границы.

Роль зачина диалога, таким образом, сводится к настройке механизма межличностного взаимодействия. Участие мужчины в оформлении зачина ограничивается четкой формулировкой цели дальнейшего общения. Реализация этой коммуникативной роли обеспечивается нерасчлененным характером зачина и ядра, активным использованием местоимения *I*, строгим соответствием между изначальной интенцией и средствами вербального оформления.

«Женский» стереотип вступления в диалог предполагает определенные усилия по созданию благоприятного психологического климата. Достижение желаемого эффекта происходит тематическим вычлениением зачина из общей логико-смысловой структуры диалога, варьированием речевых клише, подражанием речи собеседника. Мужской стиль общения свидетельствует о стремлении к социальному доминированию и независимости, женский – к сотрудничеству.

Для начала диалогического взаимодействия между мужчиной и женщиной свойственны несовпадение целей вступления в контакт, контрасты характеристик речевого поведения и, как следствие, недостаточное понимание смысловых позиций друг друга. Наличие всех этих признаков в их совокупности дает возможность охарактеризовать первое звено речевой коммуникации как начальный этап межличностного конфликта.

Таким образом, гендерный подход представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения гендерной вариативности языка и позволяет точнее учитывать человеческий фактор в языке.

Как продукт социальных отношений и культурной традиции гендер не является лингвистической категорией, однако, язык и речь могут быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений, путем выявления в них гендерных стереотипов, зафиксированных в сознании носителей языка.

**Л. В. Порохницкая** (МГЛУ, Москва, Россия)

## РАКУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВАРИАТИВНОСТИ В ЭВФЕМИИ

Вариативность может по праву считаться одной из основополагающих категорий в контексте изучения различных аспектов эвфемии и эвфемизации.

Исследование значительного массива лексических и фразеологических единиц, обладающих эвфемистическим потенциалом, в английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках продемонстрировало,